

А. И. Филюшкин

«МОБИЛИЗАЦИЯ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ» КАК ИНСТРУМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О СЛАВЯНСКОМ ЕДИНСТВЕ

Будущее государства и народа прогнозируется по тому, как оно использует свое прошлое, для обоснования каких ценностей, ориентиров, символов оно его востребует. Будущее славян также предсказывается по их отношению к собственной истории, прежде всего — к идее славянского единства. Сегодня очевиден распад славянского мира и фактический отказ от приоритета славянской идентичности. Доминируют европейская идентичность и локальные, национальные приоритеты¹, а все связанное с памятью об «общем прошлом» и «славянской взаимностью» (термин Я. Коллара)² дискредитировано и воспринимается как досадный, но пережитый славянскими народами факт их истории. Они гораздо больше хотят быть европейцами, чем славянами.

В связи с этим возникает вопрос: перед нами «конец славянского мира» или просто этап, стадия деградации, которая в будущем обратима?³ Ведь славянская идея уже не раз переживала подъемы и спады⁴. Или славянского единства никогда и не было? Это

¹ Мягков Г. П., Недашковская Н. И. Идеологемы национальной идентичности как социокультурный фактор: Славистика на пути к отрицанию «славянского единства» // Вестник экономики, права и социологии. 2007. № 4. С. 109–113.

² Thomas G. Ján Kollár's Thesis of Slavic Reciprocity and the Convergence of the Intellectual Vocabularies of the Czech, Slovak, Slovene, Croatian and Serbian Standard Languages // Canadian Slavonic Papers = Revue Canadienne des Slavistes. 1992. Vol. 34. No. 3. P. 279–299; Šmahelová H. Kollárova vize slovanské vzájemnosti // Česká literatura. 2002. Vol. 50. No. 2. P. 125–148.

³ См., например, статью о перспективах возрождения панславизма: Suslov M. Geographical Metanarratives in Russia and the European East: Contemporary Pan-Slavism // Eurasian Geography and Economics. 2012. Vol. 53. No. 5. P. 575–595.

⁴ Костурова-Парашкевова М. О возможности существования славянского единства в настоящем времени // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2013. № 4 (25). С. 38–43.

© А. И. Филюшкин, 2017

не более чем идеологический фетиш, который актуализировался в определенные периоды из-за политической и исторической конъюнктуры, но никогда не отражал реальности⁵ — и вот, наконец, дошел до своего полного отрицания?

Исследования последних лет, дискуссии вокруг книг Ф. Курты⁶ и П. Урбанчика⁷ продемонстрировали всю сложность проблемы трактовки ранней славянской идентичности и путей ее возникновения. Мы не будем в нее углубляться, учитывая огромные объемы существующей литературы и многообразие точек зрения на проблему происхождения славян⁸, а остановимся только на одном аспекте: когда и в каком контексте в средневековых славянских текстах (именно славянских) появляется представление о славянском единстве и с чем оно было связано?

Вопрос неспроста, потому что над любым историком, касающимся этой темы, довлеет языковой дискурс — само употребление слова «славяне» предполагает их единство, причем единство, якобы осознаваемое современниками. Но это — современный дискурс, основанный на пафосе «будителей» славянского самосознания в XVIII–XIX вв., научном знании о существовании индоевропейской языковой семьи и славянской языковой группы, результатах археологических поисков прародины славян. Ничего этого хронисты X–XIV вв. не знали и знать не могли. Тем не менее, тема родства славян в их сочинениях присутствует. На чем она была основана?

Здесь важно подчеркнуть, что изображение ранней славянской истории в первых славянских хрониках не может рассматриваться как отражение исторических реалий. Историки иногда пытаются их искать, говоря, что не может же быть «все выдуманно». Мол, на страницах нарративных памятников пусть в искаженном виде, но оставили след некоторые реально происходившие события. Как писал А. С. Мыльников, «если согласиться с тем, что легенды суть не подтвердившиеся аутентичными источниками гипотезы, то нельзя не признать, что поиски библейских “первопредков” славян, вера в подлинность так называемой “привилегии” Александра Македонского или в историчность Чеха, Леха и Руса содержали в иллюзорной форме верные по сути дела догадки. Они касались кардинальных, системообразующих вопросов этногенетической картины сла-

⁵ Лескинен М. В. Славянское единство: От лингво-культурной классификации к политической мифологизации // Славяноведение. 2013. № 6. С. 52–61.

⁶ Curta F. The Making of the Slavs between etnogenesis, invention and migration // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2008. № 2 (4). С. 155–172; Иванов С. А. «В тени юстининовых крепостей?» Ф. Курта и парадоксы раннеславянской этничности // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2008. № 2 (4). С. 5–12; Шувалов П. В. Изобретение проблемы (по поводу книги Флорина Курты) // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2008. № 2 (4). С. 13–20.

⁷ Алимов Д. Е., Кубинь А. С. Рец. на кн.: Urbanczyk P. Trudne początki Polskii. Wrocław, 2008 // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2010. № 1 (7). С. 213–236.

⁸ Критике подвергся даже, казалось бы, незыблемый постулат о праславянском языковом единстве, сегодня лингвисты предпочитают говорить о славянских диалектах: Popowska-Taborska H. Przydatność badań językowych do rekonstrukcji wczesnych dziejów Słowian // *Pol-szczyzna północno-wschodnia. Metodologia badań językowych*. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1989. S. 97–05; Schuster-Sewc H. The fall of the Slavic language unity (the proto-slavic) and the genetic developments of the slavic language // *Zeitschrift für Slawistik*. 2007. T. 52. No. 3. S. 314–325.

вянского мира: возникновение славянской суперэтнической общности; ее постепенное расселение на обширных пространствах восточноевропейского ареала; формирование в ходе этого отдельных, связанных родством происхождения народов, составивших три медиолокальные этнические общности — восточную, западную и южную... Не подтверждает ли это предположений о том, что в эпонимических легендах отложилась историческая память, передававшаяся в дописьменный период изустно, т. е. в фольклорной форме, от поколения к поколению?»⁹

Сегодня вера в рефлексию реальности в этногенетических легендах подвергается критике, мало того, ставится вопрос, что книжники создавали и «запускали» эти легенды, которые потом обретали вторую жизнь как фольклорные (и примеры этому есть). А. П. Толочко¹⁰ справедливо (вслед за Бернаром Гене)¹¹ указывает, что глубина исторической памяти — не более 80 лет, архивов в раннем Средневековье не было. На основе чего и как летописец мог сочинить, например, начальную историю Древней Руси? То же касается хроник Козьмы Пращского, Галла Анонима, «летописи попа Дуклянина» и др. В них более-менее адекватно изложена история, близкая к времени жизни автора-хрониста, когда он мог кого-то расспросить, увидеть какие-то свидетельства, документы и т. д. Все за пределами периода в 80 лет назад является легендой. Хронист, летописец раннюю историю именно создавали, а не фиксировали и не реконструировали. Создавали по образцам, лекалам, которые они прикладывали к какому-то имевшемуся в их распоряжении рассказу, мифу. Вопрос о происхождении и единстве славян в древности целиком относится к этому «темному», конструируемому периоду.

Ориентиров для первых славянских хронистов могло быть только два: библейская концепция истории и греко-римская историческая традиция, относящиеся к ней тексты как образец для концепции и подражания. Но это была не трансляция мифа (хотя какие-то фольклорные элементы могли привлекаться), а его трансформация и сочинение, вписывание в конвенциональные семантические рамки. Таковые задавались в основном Библией и в меньшей степени — авторитетом античных историков. И. Н. Данилевским прекрасно показано, что в основе исторических взглядов автора одной из древнейших славянских летописей — «Повести временных лет» — лежала именно библейская модель¹².

Хронистам нужно было создать концепцию, которая объясняла бы появление, происхождение и цель существования их народа (руси, ляхов, чехов и т. д.). После расселения по земле потомков Ноя (Сима, Хама и Иафета) «на всей земле был один язык и одно наречие» (Быт. 11: 1). После крушения Вавилонского столпа «...смешал Господь язык всей земли, и оттуда рассеял их Господь по всей земле» (Быт. 11: 9). То есть в Библии народы изначально являются «языками», «языцами». Они представляли собой некую единую общность и были разделены по лингвистическому признаку («От сих насе-

⁹ Мьельников А. С. Картина славянского мира: Взгляд из Восточной Европы. Этногенетические легенды, догадки, протогипотезы XVI – начала XVIII века. СПб., 1996. С. 281.

¹⁰ Толочко А. П. Очерки начальной Руси. Киев; СПб., 2015.

¹¹ Гене Б. История и историческая культура средневекового Запада. М., 2002.

¹² Данилевский И. Н. Повесть временных лет: Герменевтические основы изучения летописных текстов. М., 2004.

лились острова народов в землях их, каждый по языку своему, по племенам своим, в народах своих» (Быт. 10: 5)).

Смысл и цель существования народов-«языков» — прийти к Богу, слиться воедино под его властью, обрести единство как богоизбранный народ («...приду собрать все народы и языки, и они придут и увидят славу Мою» (Ис. 66: 18); «Ему дана власть, слава и царство, чтобы все народы, племена и языки служили Ему» (Дан. 7:14)). Это можно сделать путем правильного выбора веры и служения Богу. При этом, согласно Откровению Иоанна, народы — это воды, на которых сидит Вавилонская блудница («...И говорит мне: воды, которые ты видел, где сидит блудница, суть люди и народы, и племена и языки» (Откр. 17: 15)). То есть народ может избрать Бога, а может выбрать служение Дьяволу. Народ — это неоформленная вода, в глубинах которой кроются разные силы, и что выльется из глубин вод — неизвестно.

Согласно Ветхому Завету, цель народа — быть избранным Богом. В еврейской Библии для это используются разные слова: *'am* — богоизбранный народ и *goyim* — неверные, языческие народы. В Септуагинте это, соответственно, *demos*, а язычники — *ethne* (этноты). В православном переводе это народ и языки (языцы). Израиль избран Богом, «...ибо ты народ святой у Господа, Бога твоего: тебя избрал Господь, Бог твой, чтобы ты был собственным Его народом из всех народов, которые на земле» (Вт. 7: 6). Богоизбранность народа является не национальным, а религиозным понятием, но объединяет народ, потому что он ощущает себя единым через Завет с Богом, заключенный предками, отцами народа. Следовательно, для такого народа обязательно единство происхождения от единого предка, праотца (у евреев — Авраама). Избранный народ получает от Бога Землю Обетованную (у евреев — Ханаан), которую, впрочем, надо завоевать, отнять у неверных народов. Очень важен язык, на котором говорит богоизбранный народ, — это язык, на котором можно говорить с Богом.

Таким образом, схему «правильного», каноничного возникновения народа можно представить следующим образом: он происходит от единого предка (аналог семьи Ноя, желательны наличие трех сыновей-потомков, которые — как Сим, Хам и Иафет — заложат основы многих народов). Он проделывает некий путь — путешествие, обретение родины и т. д., или иные испытания. Он должен сделать правильный выбор веры и все шаги, необходимые для этого выбора (свои учителя-апостолы, свой язык, на котором он будет говорить с Богом как особый народ, позже — свои святые и т. д.).

Практически все эти компоненты мы видим в ранних славянских легендах, начиная с Житий Константина (написано между 869–880) и Мефодия (после 885 г.)¹³. Обретение своей азбуки благодаря «моравским братьям» дало возможность говорить с Богом на своем языке. Надо иметь в виду, что под славянами здесь в первую очередь понимаются мораване и другие славянские племена Великой Моравии, а в более поздних списках (после перемещения учеников Мефодия, Климента и Наума, на Балканы) — болгары. Славянами для читателей (а также переписчиков и интерпретаторов X–XV вв.) житий были все, кто усвоил кириллицу (мораване, болгары, сербы, русь). То есть к ним, с точки зрения авторов житий, не относятся словенцы, словаки, хорваты, поляки, поморские славяне, после распространения на них латинского богослужения — и чехи. Созда-

¹³ Флоря Б. Н. Сказания о начале славянской письменности и современная им эпоха // Сказания о начале славянской письменности. М., 1981. С. 10–12.

тели житий не фиксировали славянское единство по этническому и лингвистическому родству, а выдвигали собственный критерий: придуман новый язык, которым можно говорить с Господом (в дополнение к латыни, греческому и еврейскому). Это славянский язык, и его носители имеют особый статус, потому что они прозрели для правильной веры, просветились благодаря новым апостолам, Константину-Кириллу и Мефодию. Это родство религиозное, но и родство политическое, потому что так или иначе речь шла о народах и землях в сфере влияния Византийской империи.

Библейскую схему воспроизводит ранняя, недатированная часть ПВЛ: появление Руси как части удела Иафета, сына Ноя (то есть среди «языков»: «Афетово бо и то колено варязи, свеи, урмане, готе, русь, агняне, галичане, волхва, римляне, немцы, корлязи, веньдици, фрягове и прочие»¹⁴), описание летописных племен по аналогии с библейскими «коленами Израилевыми»¹⁵. И. Н. Данилевский аргументировано отождествил «нашу страну» Начального свода, «Русскую землю» «Повести временных лет» и библейскую Землю Обетованную¹⁶. Летописец замыкает круг с помощью Сказания о славянской грамоте, Кирилле и Мефодии и обретении с их помощью языка богоизбранного народа, которым можно говорить с Богом. Словенскую грамоту дал сам Святой Дух. Учитель славянского языка — сам апостол Павел, который учил в Иллирике во время исполнения апостолами своей миссии по несению Слова Божьего языческим народам, и его помощник — апостол от 70-ти Андроник.

Варяжское имя «Русь» выступает только именем, которое закрепилось за славянами, происходящими из колена Иафета и получившими от Святого Духа язык, которым можно говорить с Богом. Тем самым основные компоненты библейской концепции богоизбранного народа были найдены. Осталось обрести Русскую землю как Землю Обетованную, завоевать ее и выполнить высшую миссию народов на земле — стать народом Бога. Собственно, этим сюжетам и посвящены дальнейшие страницы Повести временных лет — Крещению как Завету с Богом и торжеству Православия, просиявшего в Русской земле и ее князьях и святителях. Избавление от хазарской дани и приход в Киев, как отметил В. Я. Петрухин, сопоставимо с библейским Исходом¹⁷.

Изначально этногенетические концепции, на основе которых создавалась история происхождения Руси, имели сугубо религиозную, но не этническую направленность. Мы до сих пор говорили об усвоении и творческом осмыслении русским летописцем ветхозаветной модели. Но над ней в православии довлела новозаветная модель, согласно которой народ, стремящийся стать «народом Божиим», лишается всех этнических черт, они совершенно не важны, потому что своей Кровью Христос «искупил нас Богу из всякого колена и языка, и народа и племени» (Откр. 5: 9). Во Вселенской церкви «...нет ни Еллина, ни Иудея, ни обрезания, ни необрезания, варвара, скифа, раба, свободного, но все и во всем Христос» (Колосаам 3: 11). Именно поэтому из летописи после Крещения (988) стремительно исчезают все славянские племена — никого из персонажей

¹⁴ ПСРЛ. Т. 1. М., 1999. Стб. 4.

¹⁵ Толочко А. П. Очерки начальной Руси. С. 68–71.

¹⁶ Данилевский И. Н. Повесть временных лет... С. 143.

¹⁷ Петрухин В. Я. «Русь и вси языци». Аспекты исторических взаимосвязей: Историко-археологические очерки. М., 2011. С. 42.

летописец не называет полянином или древлянином или кривичем¹⁸. Возникает восточнославянское единство, единая Русская земля как особое духовное пространство, Богоизбранная земля.

Примечательно, что в поздних списках «Сказания о славянской грамоте» славянский язык был заменен на русский. Константин учит моравян, чехов и ляхов русскому языку, пишет книги русским языком и просвещает народы учением Христа¹⁹. Такая подмена происходит, когда выражения «православная вера» и «русская вера» становятся синонимами. Здесь мы видим опять-таки на первом плане религиозное родство как братьев правильной веры, но не этнические компоненты.

Чешские и польские средневековые хроники, в которых гораздо сильнее чувствуется влияние античной традиции, сочетали библейский сюжет с изобретенной легендой о прародителях народов. И Козьма Пражский, и Далимил, и Прибик из Пулкавы начинали свое повествование с рассказа о Вавилонском столпотворении, рассеянии народов, в числе которых оказываются потомки легендарных прародителей — Чеха, или Леха, или Руса. При этом, признавая славянскую принадлежность поляков, чехов, руси (под которой имеется в виду население Киевской Руси, а в дальнейшем — русины Великого княжества Литовского и Русского), славянской идентичности авторы уделяют мало внимания, она для них не очень важна. Гораздо важнее идентичность политическая — как жителей Чешского или Польского королевств, религиозная — принадлежность к «христианскому миру» под эгидой Рима и папы.

Попытки объединить славян в более-менее крупные державы в Средневековье имели место, но все подобные образования оказались краткосрочными и непрочными, жили от нескольких десятков до полутора сотен лет (Первое Болгарское царство 882–1018 гг., интегрировавшее значительную часть Балкан; Чешское королевство при Пржемысле Отокаре II (1233–1278), раскинувшееся от Судетских гор до Адриатического моря; Сербское царство при Стефане Душане (1331–1355)). Отдельно стоит вопрос, можно ли считать единым государством Киевскую Русь (условные даты 882–1132), но для потомков образ Древнерусской державы (историографически подкрепленный в XX в. концепцией древнерусской народности) стал символом единения восточных славян. Интегрирующим проектом считается «Европа Ягеллонов», но он носил династический, а не этнический характер.

В раннее Новое время происходит бурный рост этногенетических легенд о происхождении народов, причем как развивающихся средневековые версии (тема Леха, Чеха и Руса), так и предлагающих новые (происхождение славян от сарматов (чешский историк Дубравский), поляков — от московитов у Мацея Стрыйковского и т. д., украинских

¹⁸ А. П. Толочко считает деление летописцем восточных славян на племена подражанием Библии, заимствованием библейской схемы (*Tolochko O. P. The Primary Chronicle's «Ethnography» Revisited: Slavs and Varangians in the Middle Dnieper and the Origin of Rus' State // Franks, Northmen and Slavs: Identities and State Formation in Early Medieval Europe. Turnhout, 2007. P. 170–171*). Историки неоднократно отмечали совпадения с Библией: в частности, число славянских племен явно совпадает с числом колен Израилевых — по 12 (см.: *Петрухин В. Я. «Русь и все языки»... С. 42*).

¹⁹ *Мареш В. Ф. Сказание о славянской письменности (по списку Пушкинского дома АН СССР) // ТОДРЛ. 1963. Т. 19. С. 174–175.*

казаков — от хазар и т. д.). Их анализу посвящена обширная литература²⁰. Важно, что в них, как показал А. С. Мыльников, закрепляется идея общей славянской прародины и общего легендарного предка-прародителя славянских народов (Пан, Негно, Сармат, Мосох и др. мифологические версии)²¹. Т. е. идея славянского единства продолжает существовать в виде мифа об едином происхождении и последующем разделении на племена и королевства. Правда, наряду с ней развивается множество отдельных этногенетических легенд о происхождении и родстве отдельных славянских народов. Стоит заметить, что обсуждение идеи славянского единства было в основном уделом книжников-интеллектуалов²². В политике и культуре, помимо апелляций к религиозной идентичности, были актуальны династические теории (ср. развитие в XVI в. легенды о Пржемысле в Чехии, о Пясте в Польше, о Палемоне в Литве, об Августе-кесаре и Прусе в российском «Сказании о князьях владимирских»). К прошлому (и существовавшему в нем славянскому единству) обращались при намечающемся в раннее Новое время процессе складывания раннемодерных наций (ср. рост интереса в XVI в. к истории Древней Руси в Великом княжестве Литовском и Русском и в Российском царстве).

К XVIII–XIX вв. все славянские народы оказались в составе европейских империй (Австро-Венгерской, Российской, Германской), а также Османской империи. Для славянского национализма, который в это время начинает расти как идеология антиимперского национально-освободительного движения²³, апелляция к прошлому стала краеугольным камнем. Во-первых, славяне позиционировались как один из древнейших народов Европы, который, как первопоселенец, обладал всеми правами, в том числе правом на свою землю и свободу. Во-вторых, идея славянского единства в древности в своем подтексте имела в виду возможность объединения славян в славянскую сверхдержаву в настоящем²⁴. Такие проекты, как известно, возникали неоднократно, с идеологической опорой на общее происхождение и родство славян²⁵. В-третьих, обращением к единству

²⁰ *Мыльников А. С.* 1) Картина славянского мира: Взгляд из Восточной Европы. Этногенетические легенды, догадки, протогипотезы XVI – начала XVIII века. СПб., 1996; 2) Картина славянского мира: Взгляд из Восточной Европы. Представления об этнической номинации и этничности. XVI – начало XVIII века. СПб., 1999.

²¹ *Мыльников А. С.* Картина славянского мира: Взгляд из Восточной Европы. Этногенетические легенды... С. 259.

²² *Golub I., Bracewell W.* The Slavic Idea of Juraj Krizanić // *Harvard Ukrainian Studies*. 1986. Vol. 10. No. 3–4. P. 438–491.

²³ *Kunze P.* The Sorbian National Renaissance and Slavic Reciprocity in the First Half of the Nineteenth Century // *Canadian Slavonic Papers = Revue Canadienne des Slavistes*. 1999. Vol. 41. No. 2. P. 189–206.

²⁴ *Рафальский И.* Славянская идея как проект наднациональной интеграции // *Родина*. 2013. № 6. С. 64–66.

²⁵ *Kohn H.* Pan-Slavism: Its History and Ideology. Notre Dame, 1953; *Прокудин Б. А.* Идея славянского единства в политической мысли России XIX века. М., 2007; *Французова О. А.* Панславизм и идеи славянской интеграции в представлениях чешских радикалов первой половины XIX века // *Общество и цивилизация*. 2015. Т. 1. С. 11–17; *Киселев В. С.* Панславизм и конструирование национальной идентичности в русской и польской словесности XIX в. // *Русин*. 2015. № 3. С. 108–127; *Амелина Е. М.* Русские мыслители о славянском

в прошлом можно было попробовать сгладить все более обостряющиеся противоречия между славянами, которые, достигнув освобождения, прежде всего начинали воевать с соседними родственными народами. В-четвертых, наличие древней истории предполагало существование у славян развитой за много веков культуры. Понимание прошлого славян как «общего культурного багажа» (сохраняющееся до сих пор)²⁶ позволяло манипулировать и приписывать своему народу достижения всех славянских народов. Те же Кирилл и Мефодий, чья миссия проходила в Моравии по приглашению моравской знати, стали культурными героями всего славянства. В XX в. памятники им стоят от Балкан до Владивостока и являются символом принадлежности к единому «славянскому миру».

После кратковременного существования возникших на обломках империй независимых славянских государств в 1918–1939 гг. следующий этап реанимации идеи о славянском единстве пришелся уже на мир после Ялтинской системы. Так исторически сложилось, что в число стран «лагеря социализма» попало большинство славянских государств (Югославия, Болгария, Польша, Чехословакия, СССР)²⁷. Их позиционировали как победителей во Второй мировой войне (партизаны Югославии и Болгарии, воинские подразделения чехов и поляков в составе Советской Армии)²⁸. Университетские курсы по истории южных и западных славян должны были обосновать единство исторической судьбы славянских народов, которые закономерно пришли к объединению в рамках социалистической системы, СЭВ и Варшавского договора²⁹. Концепции, связанные с единством происхождения славян, с их общей прародиной, были востребованы для обоснования братства народов, например: из Киевской Руси выводилось единство возникших на ее основе русских, украинцев и белорусов.

При этом славянский национализм никуда не делся, и связанные с ним идеи выражались иносказательно. Р. Гжесиком показано, как польскими археологами для завуалированного декларирования национализма в годы фактического ограничения суверенитета страны использовалась идея локализации славянской прародины именно на территории современной Польши³⁰. Тем самым она оказывалась колыбелью древнего славянства, что возвышало ее над другими. Похожие концепции выдвигались чешскими учеными в связи с историей «первого славянского» государства Само и Великой Моравии.

единстве // Соловьевские исследования. 2016. № 1 (49). С. 6–17.

²⁶ Колин К. К. Славянская культура как стратегический фактор обеспечения единства и безопасности славянского мира // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2014. № 1 (26). С. 13–18.

²⁷ Родионова И. В. Актуализация темы славянского единства в советской идеологии 1940-х годов // Вопросы гуманитарных наук. 2015. № 2 (77). С. 21–28; Applebaum R. The Friendship Project: Socialist Internationalism in the Soviet Union and Czechoslovakia in the 1950s and 1960s // Slavic Review. 2015. Vol. 74. No. 3. P. 484–507.

²⁸ Кукешев Н. И. «Славяне! Мы объединимся для борьбы и победы». Славянское движение в СССР в годы Великой Отечественной войны // Военно-исторический журнал. 2008. № 8. С. 25–29.

²⁹ Waskovich G. Poland's place among the Slavs // Polish Review. 1962. Vol. 7. No. 3. P. 84–91.

³⁰ Гжесик Р. Этногенез славян в польской исторической рефлексии XX–XXI вв. // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2017. № 2. С. 99–113.

К антигерманским идеям о принадлежности князя Рюрика к полабским славянам апеллировали сторонники концепции русского историка А. Г. Кузьмина³¹. Несмотря на разоблачения подделки Краледворской и Зеленогорской рукописей В. Ганкой³², из них в университетские учебники по истории СССР под редакцией академика Б. А. Рыбакова попала легенда о поражении монголо-татар под чешским Оломоуцем. Она совершенно не соответствовала исторической действительности, но вписывалась в востребованную идеологически концепцию, трактующую славянские народы (и прежде всего народы Восточной Европы) как щит Западной Европы от нашествия монголо-татар. Пожертвовав собой, славяне спасли западноевропейскую цивилизацию, но сами оказались заторможены в развитии. Эта благородная роль как бы оправдывала очевидную разницу в уровне культуры и цивилизации и темпах роста между славянами и Западной Европой. Перечень подобных примеров можно расширить, но в целом надо сказать, что славянское Средневековье и его мифологические сюжеты очень пригодились советской историографии и идеологии, причем славянский мир изображался хоть и многообразным, но в принципе единым³³.

После «нежных революций» 1989–1990-х гг., распада СССР и Югославии, дружной переориентации славянских стран на вступление в Евросоюз и НАТО оценки «славянского мира» и славянского единства резко изменились, а «мобилизация Средневековья» для актуальных идеологических и исторических нужд стала происходить по новым схемам.

Во-первых, концепт локальности побеждает концепт единства. История славянства приобретает сепаратистский характер. На первый план вышли национальные этногенетические легенды, а все, связанное с интеграцией (в рамках «славянской взаимности» или той или иной империи) отвергается и получает негативные оценки. Сегодня атаке (пока со стороны публицистов националистического толка) подвергается даже Древняя Русь, которая объявлена «советским идеологическим конструктом», созданным для обоснования идеологии единства «братских» народов — русского, украинского и белорусского, которого, по мнению сторонников этой точки зрения, никогда не было. Стало популярным выражение «древнерусское не-единство»³⁴. Перед украинской и белорусской историографиями поставлена задача вместо Древней Руси показать историю Древней Украины и Древней Белоруссии, исходя из современных географических рамок и исключая все, что за них выходит, как «ненациональную историю». Пишется локальная история территорий, городов и местечек.

Для этого и используется дискурс «древнерусского не-единства», который опирается на развивавшуюся в последние годы историографическую деконструкцию истории Киевской Руси. Например, «разоблачение фальсификации» Збручского идола как одного

³¹ Кузьмин А. Г. Начало Руси: Тайны рождения русского народа. М., 2003.

³² Лаптева Л. П. Краледворская и Зеленогорская рукописи и их оценка в России XIX и начала XX вв. // *Studia slavica*, Budapest. 1975. Т. 21. S. 67-94.

³³ Толстая С. М. Аспекты, критерии и признаки славянской культурной общности // *Common elements in Slavic folklore*. Сборник радова. Српска академија наука и уметности, Балканолошки институт. Belgrade, 2012. С. 17–31.

³⁴ Древняя Русь после Древней Руси: дискурс восточнославянского (не)единства / Отв. сост. А. В. Доронин. М., 2017.

из главных источников по славянскому язычеству³⁵, работы И. Н. Данилевского, направленные на «развенчание мифов»³⁶, и особенно интересные, но спорные книги А. П. Толочко, последовательно разрушившие «татищевский миф»³⁷, пошатнувшие статус «Правды Русской» как источника по социально-экономической истории Киевской Руси³⁸ и и сделавшие попытку дискредитации «Повесть временных лет» как основу видения древнерусской истории³⁹.

На фоне успехов и достижения несомненного эффекта для читателей работ деконструкторов классическая историография Древней Руси выглядит малоубедительно и в основном развивает уже высказывавшиеся идеи, уточняет детали и мелочи. Она не предлагает новых масштабных идей и концепций, которые можно было бы противопоставить деконструкции всей предшествующей историографии (которая без «Правды Русской» и ПВЛ как источников просто безосновательна). Если ситуация не исправится, то сбудется прогноз о «Великой схизме» восточноевропейской историографии, о которой предупреждает А. В. Мартынюк⁴⁰, и через какое-то время историки Восточной Европы просто перестанут понимать друг друга, а в понятие «Древняя Русь» будут вкладывать разный смысл.

Во-вторых, при этом Средневековье оказывается необычайно востребованным, поскольку стереотипы человеческого сознания, особенно в области национальной идеологии, считают необходимым для нации иметь древнюю и славную историю, чем глубже уходящую в прошлое, тем лучше. Мы уже писали о настоящем «монументальном буме», который сегодня охватил страны Восточной Европы: массово ставятся памятники персонажам средневековой истории, нередко одним и тем же в разных странах, причем в местах, где эти герои никогда и не были (например, памятники Кириллу и Мефодию и Илье Муромцу поставлены во Владивостоке)⁴¹. Но эти персонажи приватизируются, перестают быть древнерусскими и становятся героями национальной или локальной истории (памятники князьям — основателям городов и т. д., соперничество из-за Крестителя Руси — князя Владимира, спор о месте коронации литовского короля Миндовга (Новогрудок или Вильно), печально известная полемика об Анне Ярославне Русской или Анне Ярославне Украинской и т. д.). Персонажи древней истории славянства перестали быть символами единства, они стали маркерами особого, национального пути.

³⁵ *Комар А., Хамайко Н.* Збручский идол: Памятник эпохи романтизма? // *Ruthenica*. Київ, 2011. Т. X. С. 166–217.

³⁶ *Данилевский И. Н.* 1) *Древняя Русь глазами современников и потомков (IX–XII вв.): Курс лекций*. М., 1998; 2) *Русские земли глазами современников и потомков (XII–XIV вв.): Курс лекций*. М., 2001.

³⁷ *Толочко А.* «История российская» Василия Татищева: Источники и известия. М.; Киев, 2005.

³⁸ *Толочко А. П.* Краткая редакция Правды Русской: Происхождение текста. Київ, 2009.

³⁹ *Толочко А. П.* Очерки начальной Руси. Киев; СПб., 2015.

⁴⁰ *Мартынюк А. В.* «Великий раскол» восточнославянской медиевистики: Семь тезисов к дискуссии // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2017. № 1. С. 146–153.

⁴¹ *Филюшкин А. И.* Когда и зачем стали ставить памятники историческим персонажам Древней Руси? // *Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях*. 2017. Т. 7. С. 382–397.

В-третьих, в современных национальных историографиях «славянское единство» в принципе не входит в число позитивных ценностей. Таковой считается ориентация на Европу. В прошлом активно выискиваются признаки ранней европейской ориентации. Особенно остро это проявляется в украинской и белорусской исторической политике, где всячески подчеркивается «исконность» европейского выбора вектора развития в противопоставление «московскому пути». Для Восточной Европы это настоящий историко-культурный бум Великого княжества Литовского как средневекового европейского государства с настоящим рыцарством, магдебургским правом, королями и т. д. В Белоруссии реконструируются замки, средневековые крепости, ставятся памятники «неизвестному рыцарю» (в Мстиславле), любовно воспроизводятся быт и интерьеры ВКЛ. Средневековая тематика вводится в гербы городов и государственную символику (в 1991–1995 гг. литовская «Погоня» — средневековый герб Великого княжества Литовского — была официальным символом независимой Белоруссии). В Чехии существует культ гуситского периода истории (1419–1452) как момента, когда чехи достигли наибольшего влияния на исторический процесс в Европе. В историческом самосознании Польши огромную роль играет период средневекового королевства и «Польши Ягеллонов» как сильного и красивого государства Европы. В Болгарии пересматривается роль в истории страны турецкого ига — оно уже не считается однозначно негативным, а освободительная миссия России подвергается критике, поскольку Россия якобы нарушила «исторический путь» Балкан, вмешалась в жизнь их народов, подвергла их своему влиянию.

Четвертый фактор, почему в странах, возникших на обломках славянского мира, велик интерес к Средневековью — эстетический. Облик средневековых славян стирается тягой к европейскому универсализму. Страны хотят возбудить к себе интерес (туристический, культурный, интеллектуальный), но современные славянские государства мало что могут предложить, что заинтересовало бы мир. А Средневековье с его замками, рыцарями, обязательным музеем пыток, легендами о замурованных дамах, полями великих битв (Косово 1389 г., Грюнвальд 1410 г., Орша 1514 г., Витков 1420 г., Липаны 1434 г., Мохач 1526 г. и т. д.) возбуждает интерес у потребителя исторического знания в широком смысле.

При этом уменьшается фактор славянской культурной специфики и делается аспект на европейском культурном универсуме Средних веков. К примеру, в современной туристической индустрии в Праге для гостей столицы нет экскурсий в Табор, Витков, Липаны или к таким национальным святыням Чехии, как Королевские поля или гора Ржип. Зато множество экскурсий по красивым замкам, соборам, памятникам прошлого — но имеющим в своем облике больше общеевропейского, чем славянского или чешского.

Выводы

В Средневековье, когда мы можем благодаря появлению у славян письменности фиксировать их саморефлексию, тема славянского единства не получила развития. Она разрабатывалась мыслителями того времени в двух направлениях — единство происхождения и единство веры. Однако общей конвенциональной платформой для мифов о происхождении оказалась только библейская основа, в дальнейшем, вплоть до раннего Нового времени, каждый славянский народ сочинял свои этногенетические легенды. Что же касается религии, то с самого начала проявился раскол по линии западная цер-

ковь — восточная церковь, и вплоть до Нового времени с ростом светскости общества он был непреодолим.

В раннее Новое время, в период становления славянских раннемодерных наций, этногенетические легенды, связанные с историей развития отдельных народов, доминировали над дискурсом славянского единства. О нем помнили в основном в контексте легенд о происхождении, но эта тема была явно не главной.

Идея славянского единства получает взрывообразное развитие в конце XVIII—XIX вв. в связи с ростом национально-освободительного движения. К этому времени большинство славян оказалось в составе той или иной империи, и лозунг славянского единения воспринимался как программа прекрасного будущего свободных братских народов. Для обоснования будущего актуализируются знания о прошлом, и приобретает канонический характер тезис о едином происхождении и тесной связи в древности, интеграции в рамках единых средневековых государств и союзов. Эти союзы изображались как прообраз великого будущего объединенных славян. Но оно не наступило из-за врагов, которые напали и поработили, подчинили и включили в свою империю. И только теперь славяне получили шанс сбросить иноземное иго и воссоздать свои былые на заре славянского мира свободу и единство.

XX век с двумя мировыми войнами, двумя Балканскими войнами, советско-польской войной и т. д., когда славянские народы оказались по разные стороны фронта, и кратковременным периодом существования национальных государств Восточной Европы (1918–1939) принес разобщение славянскому миру. О его воображаемом единстве оставалась только культурная память. Кратковременный всплеск объединения славян был связан с советским проектом пояса стран «народной демократии» (или «стран кордона», как его именовали на Западе), держался на воле СССР и быстро прекратил существование с его распадом в 1991 г. Средневековые символы и образы уже во второй половине XX в. больше работали на национальные проекты, чем на идею славянской интеграции.

XXI век принес славянской идее ее постмодернистскую деконструкцию и распад представлений о возможных позитивных сценариях будущего славянского мира. Отсутствие будущего мешает настоящему. Славянская идея сегодня утратила свои позиции и влачит второстепенное существование как идея культурная и усыхающая память о былых временах. То, что в ней появляются такие пассионарные, но спорные бренды (опирающиеся на средневековую семантику), как славянское неоязычество, славянское фэнтези как отрасль жанра, славянская тема в интернет-сообществах⁴² и т. п., говорит о кризисе идеи. Ориентированность на прошлое не может служить развитию конвенциональной славянской идеи для будущего, и даже приблизительно непонятно, как она может быть сформулирована. Славяне по-прежнему непримиримо воюют друг с другом, причем не только в «горячих войнах», но и в «войнах памяти», бушующих на постсоветском пространстве. Прошлое славян «разоблачается» демистификаторами и деконструкторами, выступает источником символов для современной исторической политики и образов для исторически ориентированной индустрии развлечений. Исходя из этой ситуации, перспективы реанимации идеи славянского единства в обозримом будущем не просматриваются.

⁴² О славянской теме в Интернете см.: Шербинин А. И., Щербинина Н. Г. Славянский мир как политический конструкт // Русин. 2015. № 4. С. 47-50.

Данные о статье

Работа выполнена при поддержке РНФ, проект 16–18–10080 «Мобилизованное средневековье»: обращение к средневековым образам в дискурсах национального и государственного строительства в России и странах Центрально-Восточной Европы и Балкан в новое и новейшее время».

Автор: Филюшкин Александр Ильич — доктор исторических наук., Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия, a.filushkin@spbu.ru

Заголовок: «Мобилизация Средневековья» как инструмент формирования представлений о славянском единстве.

Резюме: В Средневековье тема славянского единства не получила развития. Она разрабатывалась мыслителями того времени в двух направлениях — единство происхождения и единство веры. В раннее Новое время, в период становления славянских раннемодерных наций, этногенетические легенды, связанные с историей развития отдельных народов, доминировали над дискурсом славянского единства. О нем помнили в основном в контексте легенд о происхождении, но эта тема была явно не главной. Идея славянского единства получает взрывообразное развитие в конце XVIII–XIX вв. в связи с ростом национально-освободительного движения. XX век с двумя мировыми войнами, двумя Балканскими войнами, советско-польской войной и т. д., когда славянские народы оказались по разные стороны фронта, и кратковременным периодом существования национальных государств Восточной Европы (1918–1939) принес разобщение славянскому миру. О его воображаемом единстве оставалась только культурная память. Кратковременный всплеск объединения славян был связан с советским проектом пояса стран «народной демократии» (или «стран кордона», как его именовали на Западе), держался на воле СССР и быстро прекратил существование с его распадом в 1991 г. Средневековые символы и образы уже во второй половине XX в. больше работали на национальные проекты, чем на идею славянской интеграции.

XXI век принес славянской идее ее постмодернистскую деконструкцию и утрату представлений о возможных позитивных сценариях будущего славянского мира. Славянская идея сегодня утратила свои позиции и влечит второстепенное существование как идея культурная и усыхающая память о былых временах. Славяне по-прежнему непримиримо воюют друг с другом, причем не только в «горячих войнах», но и в «войнах памяти», бушующих на постсоветском пространстве. Прошлое славян «разоблачается» демистификаторами и деконструкторами, выступает источником символов для современной исторической политики и образов для исторически ориентированной индустрии развлечений.

Ключевые слова: этногенетические легенды, славянское единство, историческая память, историческая политика.

Литература, использованная в статье

Алимов, Денис Евгеньевич; Кибинь, Алексей Сергеевич. Рец. на кн.: Urbanczyk, Przemysław. *Trudne rozszki Polski*. Wrocław, 2008 // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2010. № 1 (7). С. 213–236.

Амелина, Елена Михайловна. Русские мыслители о славянском единстве // Соловьевские исследования. 2016. № 1 (49). С. 6–17.

Гене, Бернар. *История и историческая культура средневекового Запада*. Москва: Языки славянской культуры, 2002. 491 с.

Гжесик, Рышард. Этногенез славян в польской исторической рефлексии XX–XXI вв. // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2017. № 2. С. 99–113.

Данилевский, Игорь Николаевич. *Древняя Русь глазами современников и потомков (IX–XII вв.): Курс лекций*. Москва: Аспект-Пресс, 1998. 399 с.

Данилевский, Игорь Николаевич. *Повесть временных лет: Герменевтические основы изучения летописных текстов*. Москва: Аспект-Пресс, 2004. 370 с.

Данилевский, Игорь Николаевич. Русские земли глазами современников и потомков (XII–XIV вв.): Курс лекций. Москва: Аспект-Пресс, 2001. 389 с.

Иванов, Сергей Аркадьевич. «В тени юстининовых крепостей?» Ф. Курта и парадоксы раннеславянской этничности // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2008. № 2 (4). С. 5–12.

Кикешев, Николай Иванович. «Славяне! Мы объединимся для борьбы и победы». Славянское движение в СССР в годы Великой Отечественной войны // *Военно-исторический журнал*. 2008. № 8. С. 25–29.

Киселев, Виталий Сергеевич. Панславизм и конструирование национальной идентичности в русской и польской словесности XIX в. // *Русин*. 2015. № 3. С. 108–127.

- Колин, Константин Константинович. Славянская культура как стратегический фактор обеспечения единства и безопасности славянского мира // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2014. № 1 (26). С. 13–18.
- Комар, Алексей; Хамайко, Наталья. Збручский идол: Памятник эпохи романтизма? // Ruthenica. Київ, 2011. Т. X. С. 166–217.
- Костурова-Парашкевова, Мария. О возможности существования славянского единства в настоящем времени // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2013. № 4 (25). С. 38–43.
- Кузьмин, Аполлон Григорьевич. Начало Руси: Тайны рождения русского народа. Москва: Вече, 2003. 630 с.
- Лантева Л. П. Краледворская и Зеленогорская рукописи и их оценка в России XIX и начала XX вв. // Studia slavica. Budapest. 1975. Т. 21. S. 67-94
- Лескинен, Мария Войттовна. Славянское единство: От лингво-культурной классификации к политической мифологизации // Славяноведение. 2013. № 6. С. 52–61.
- Мареш, Вацлав Франтишек. Сказание о славянской письменности (по списку Пушкинского дома АН СССР) // ТОДРЛ. 1963. Т. 19. С. 174–175.
- Мартынюк, Алексей Викторович. «Великий раскол» восточнославянской медиэвистики: Семь тезисов к дискуссии // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2017. № 1. С. 146–153.
- Мыльников, Александр Сергеевич. Картина славянского мира: Взгляд из Восточной Европы. Этногенетические легенды, догадки, протогипотезы XVI – начала XVIII века. Санкт-Петербург: Центр «Петербургское востоковедение», 1996. 314 с.
- Мыльников, Александр Сергеевич. Картина славянского мира: Взгляд из Восточной Европы. Представления об этнической номинации и этничности. XVI – начало XVIII века. Санкт-Петербург: Центр «Петербургское востоковедение», 1999. 398 с.
- Мягков, Герман Пантелеймонович; Недашкова, Надежда Игоревна. Идеологемы национальной идентичности как социокультурный фактор: Славистика на пути к отрицанию «славянского единства» // Вестник экономики, права и социологии. 2007. № 4. С. 109–113.
- Петрухин, Владимир Яковлевич. «Русь и вси языци». Аспекты исторических взаимосвязей: Историко-археологические очерки. Москва: Языки славянских культур, 2011. 384 с.
- Прокудин, Борис Александрович. Идея славянского единства в политической мысли России XIX века: Генезис, основные направления и этапы развития: Дисс. ... канд. полит. наук. Москва: Московский государственный университет, 2007. 180 с.
- Рафальский, Игорь. Славянская идея как проект наднациональной интеграции // Родина. 2013. № 6. С. 64–66.
- Родионова, Ирина Витальевна. Актуализация темы славянского единства в советской идеологии 1940-х годов // Вопросы гуманитарных наук. 2015. № 2 (77). С. 21–28.
- Толочко, Алексей Петрович. «История российская» Василия Татищева: Источники и известия. Москва: Новое литературное обозрение; Киев: Критика, 2005. 544 с.
- Толочко, Алексей Петрович. Краткая редакция Правды Русской: Происхождение текста. Київ: Інститут історії України НАН України, 2009. 136 с.
- Толстая, Светлана Михайловна. Аспекты, критерии и признаки славянской культурной общности // Common elements in lavic folklore. Сборник радова. Belgrade: Српска академија наука и уметности, Балканолошки институт, 2012. С. 17–31.
- Филюшкин, Александр Ильич. Когда и зачем стали ставить памятники историческим персонажам Древней Руси? // Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. 2017. Т. 7. С. 382–397.
- Флоря, Борис Николаевич. Сказания о начале славянской письменности и современная им эпоха // Сказания о начале славянской письменности. Москва: Наука, 1981. С. 10–12.
- Францозова, Ольга Александровна. Панславизм и идеи славянской интеграции в представлениях чешских радикалов первой половины XIX века // Общество и цивилизация. 2015. Т. 1. С. 11–17.
- Шувалов, Петр Валерьевич. Изобретение проблемы (по поводу книги Флорина Курты) // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2008. № 2 (4). С. 13–20.
- Щербинин, Алексей Геннадьевич, Щербинина, Нина Гарьевна. Славянский мир как политический конструкт // Русин. 2015. № 4. С. 37-62.
- Applebaum, Rachel. The Friendship Project: Socialist Internationalism in the Soviet Union and Czechoslovakia in the 1950s and 1960s // Slavic Review. 2015. Vol. 74. No. 3. P. 484–507.

- Curta, Florin*. The Making of the Slavs between ethnogenesis, invention and migration // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2008. № 2 (4). P. 155–172.
- Golub, Ivan; Bracewell, Wendy*. The Slavic Idea of Juraj Križanić // *Harvard Ukrainian Studies*. 1986. Vol. 10. No. 3–4. P. 438–491.
- Kohn, Hans*. Pan-Slavism: Its History and Ideology. Notre Dame: University of Notre Dame Press, 1953. 356 p.
- Kunze, Peter*. The Sorbian National Renaissance and Slavic Reciprocity in the First Half of the Nineteenth Century // *Canadian Slavonic Papers = Revue Canadienne des Slavistes*. 1999. Vol. 41. No. 2. P. 189–206.
- Popowska-Taborska, Hanna*. Przydatność badań językowych do rekonstrukcji wczesnych dziejów Słowian // *Polszczyzna północno-wschodnia. Metodologia badań językowych*. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1989. S. 97–105.
- Schuster-Sewc, Heinz*. The fall of the Slavic language unity (the proto-slavic) and the genetic developments of the slavic language // *Zeitschrift für Slawistik*. 2007. T. 52. No. 3. S. 314–325.
- Šmahelová, Hana*. Kollárova vize slovanské vzájemnosti // *Česká literatura*. 2002. Vol. 50. No. 2. P. 125–148.
- Suslov, Mikhail*. Geographical Metanarratives in Russia and the European East: Contemporary Pan-Slavism // *Eurasian Geography and Economics*. 2012. Vol. 53. No. 5. P. 575–595.
- Thomas, George*. Ján Kollár's Thesis of Slavic Reciprocity and the Convergence of the Intellectual Vocabularies of the Czech, Slovak, Slovene, Croatian and Serbian Standard Languages // *Canadian Slavonic Papers = Revue Canadienne des Slavistes*. 1992. Vol. 34. No. 3. P. 279–299.
- Tolochko, Oleksiy P.* The Primary Chronicle's «Ethnography» Revisited: Slavs and Varangians in the Middle Dnieper and the Origin of Rus' State // *Franks, Northmen and Slavs: Identities and State Formation in Early Medieval Europe*. Turnhout, 2007. P. 170–171.
- Waskovich, George*. Poland's place among the Slavs // *Polish Review*. 1962. Vol. 7. No. 3. P. 84–91.

Information about the article

The research was supported by the Russian Science Foundation, project 16-18-10080.

Author: Filyushkin, Alexander Ilyich — Professor, Doctor of Historical Sciences, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia, a.filyushkin@spbu.ru

Title: “Mobilization of the Middle Ages” as an instrument of formation the discourse about Slavic unity.

Abstract: In the Middle Ages the theme of Slavic unity was not developed. It was discussed by intellectuals of that time in two directions: 1) the unity of origin; 2) unity of faith. In the Early New Time, in the period of the formation of the Slavic early modern nations, these ethnogenetic legends were connected with the history of local national herous, dominated over the discourse of the Slavic Unity. The idea of Slavic unity gets explosive development in the late XVIII-XIX centuries. It was connected with the growth of the national liberation movement. The twentieth century with two world wars, two Balkan wars, a Soviet-Polish war, etc., when the Slavic peoples found themselves on different sides of the front, and a short period of existence of national states Eastern Europe (1918-1939) brought disunity to the Slavic world. About his imaginary unity only cultural memory remained. Then a brief outburst of the unification of the Slavs was associated with the Soviet project of the “belt” of socialist countries (or “cordon countries”, as it was called in the West), was kept at the will of the USSR and quickly ceased to exist with its disintegration in 1991. Medieval symbols and images in the 20th cnet. worked more for national projects than on the idea of Slavic integration. The 21th century brought the Slavic idea by postmodern deconstruction. The Slavic idea today has lost its positions and holds a secondary existence as an idea of a cultural and shrinking memory of the past.

Key words: ethnogenetic legends, Slavic unity, historical memory, historical policy

References

- Alimov, Denis Evgen'evich; Kibin, Aleksey Sergeevich. Rets. na kn.: Urbanczyk, Przemysław. *Trudne początki Polski*. Wrocław, 2008 [Review to the monograph: Urbanczyk, Przemysław. *The difficult foundation of Poland*], in *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2010. № 1 (7). P. 213–236 (in Russian).
- Amelina, Elena Mikhaylovna. Russkie mysliteli o slavyanskom edinstve [Russian intellectuals about Slavic unity], in *Solovevskie issledovaniya*. 2016. № 1 (49). P. 6–17 (in Russian).
- Applebaum, Rachel. The Friendship Project: Socialist Internationalism in the Soviet Union and Czechoslovakia in the 1950s and 1960s, in *Slavic Review*. 2015. Vol. 74. No. 3. P. 484–507.

- Curta, Florin. The Making of the Slavs between ethnogenesis, invention and migration, in *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2008. № 2 (4). P. 155–172.
- Danilevskiy, Igor' Nikolaevich. *Drevnyaya Rus' glazami sovremennikov i potomkov (IX–XII vv.): Kurs lektsiy [Ancient Rus' in the opinion and contemporaries and descendants]*. Moscow: Aspekt-Press Publ., 1998. 399 p. (in Russian).
- Danilevskiy, Igor' Nikolaevich. *Povest' vremennykh let: Germenevticheskie osnovy izucheniya letopisnykh tekstov [Povest' vremennykh let: hermeneutic methods of studying the old Russian chronicles]*. Moscow: Aspekt-Press Publ., 2004. 370 p. (in Russian).
- Danilevskiy, Igor' Nikolaevich. *Russkie zemli glazami sovremennikov i potomkov (XII–XIV vv.): Kurs lektsiy [Russian lands in the opinion and contemporaries and descendants, 12th-14th cent.]*. Moscow: Aspekt-Press Publ., 2001. 389 p. (in Russian).
- Filyushkin, Aleksandr Il'ich. Kogda i zachem stali stavit' pamyatniki istoricheskim personazham Drevney Rusi? [When and why did they begin to put monuments to the historical heroes of ancient Russia?], in *Drevnyaya Rus': vo vremeni, v lichnostyakh, v ideyakh*. 2017. Vol. 7. P. 382–397 (in Russian).
- Florya, Boris Nikolaevich. Skazaniya o nachale slavyanskoj pismennosti i sovremennaya im epokha [Legends about the beginning of the Slavic writing and its contemporary epoch], in *Skazaniya o nachale slavyanskoj pismennosti*. Moscow: Nauka Publ., 1981. P. 10–12 (in Russian).
- Frantsuzova, Olga Aleksandrovna. Panslavizm i idei slavyanskoj integratsii v predstavleniyakh cheshskikh radikalov pervoy poloviny XIX veka [Pan-Slavism and ideas of Slavic integration in representations of Czech radicals of the first half of the XIX century], in *Obshchestvo i tsivilizatsiya [Society and civilization]*. 2015. Vol. 1. P. 11–17 (in Russian).
- Gene, Bernar. *Istoriya i istoricheskaya kul'tura srednevekovogo Zapada [History and historical culture of the medieval West]*. Moscow: Languages of Slavic culture Publ., 2002. 491 p. (in Russian).
- Golub, Ivan; Bracewell, Wendy. The Slavic Idea of Juraj Križanić [перевод], in *Harvard Ukrainian Studies*. 1986. Vol. 10. No. 3–4. P. 438–491.
- Gzhesik, Ryshard. Etnogenez slavyan v pol'skoy istoricheskoy refleksii XX–XXI vv. [Ethnogenesis of the Slavs in the Polish Historical Reflection of the 20th–21st century], in *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2017. № 2. P. 99–113 (in Russian).
- Ivanov, Sergey Arkadievich. «V teni iustininovykh krepostey?» F. Kurta i paradoksy ranneslavyanskoj etnichnosti [«In the shadow of Justinian's forts?» F. Curta and paradoxes of the early Slavs' ethnicity], in *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2008. № 2 (4). P. 5–12 (in Russian).
- Kikeshev, Nikolay Ivanovich. «Slavyane! My obedinimsya dlya bor'by i pobyedy». Slavyanskoe dvizhenie v SSSR v gody Velikoy Otechestvennoy voyny [“Slavs! We will unite for struggle and victory. “ Slavic movement in the USSR during the Great Patriotic War], in *Voенно-istoricheskij zhurnal*. 2008. № 8. P. 25–29 (in Russian).
- Kiselev, Vitaliy Sergeevich. Panslavizm i konstruirovaniye natsional'noy identichnosti v russkoy i pol'skoy slovesnosti XIX v. [Pan-Slavism and the construction of national identity in the Russian and Polish literature of the XIX century], in *Rusin*. 2015. № 3. P. 108–127 (in Russian).
- Kohn, Hans. *Pan-Slavism: Its History and Ideology*. Notre Dame: University of Notre Dame Press, 1953. 356 p.
- Kolin, Konstantin Konstantinovich. Slavyanskaya kul'tura kak strategicheskij faktor obespecheniya edinstva i bezopasnosti slavyanskogo mira [Slavic culture as a strategic factor of ensuring unity and security of the Slavic world], in *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv*. 2014. № 1 (26). P. 13–18 (in Russian).
- Komar, Aleksey; Khamayko, Natal'ya. Zbruchskiy idol: Pamyatnik epokhi romantizma? [Zbruchsky idol: is it a monument of the Romantic era?], in *Ruthenica*. Kiev, 2011. Vol. X. P. 166–217 (in Russian).
- Kosturova-Parashkevova, Mariya. O vozmozhnosti sushchestvovaniya slavyanskogo edinstva v nastoyashchem vremeni [About the possibility of the Slavic unity in the present Time], in *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv*. 2013. № 4 (25). P. 38–43 (in Russian).
- Kunze, Peter. The Sorbian National Renaissance and Slavic Reciprocity in the First Half of the Nineteenth Century, in *Canadian Slavonic Papers = Revue Canadienne des Slavistes*. 1999. Vol. 41. No. 2. P. 189–206 (in Russian).
- Kuz'min, Apollon Grigoryevich. *Nachalo Rusi: Tajny rozhdeniya russkogo naroda [The Beginning of Russia: Secrets of the Foundation of the Russian Nation]*. Moscow: Veche, 2003. 630 p. (in Russian).

- Lapteva, Liudmila Pavlovna. P. Kraledvorskaja i Zelenogorskaja rukopisi i ih ocenka v Rossii XIX i nachala XX vv. [Kraledvorskaya and Zelenogorsk manuscripts and their evaluation in Russia XIX and early XX centuries], in: *Studia slavica*. 1975. T. 21. P. 67-94 (In Russian).
- Leskinen, Mariya Voyttovna. Slavyanskoe edinstvo: Ot lingvo-kul'turnoy klassifikatsii k politicheskoy mifologizatsii [Slavic unity: From the linguistic-cultural classification to political mythology], in *Slavyanovedenie*. 2013. № 6. P. 52–61 (in Russian).
- Mareš, František Václav. Skazanie o slavyanskoj pismennosti (po spisku Pushkinskogo doma AN SSSR) [Tale about Slavic writing (on the list of the Pushkin House AN SSSR)], in *Trudy otdela drevnerusskoj literatury*. 1963. Vol. 19. P. 174–175 (in Russian).
- Martynyuk, Aleksey Viktorovich. «Velikiy raskol» vostochnoslavjanskoj medievistiki: Sem tezisov k diskussii [«The Great Schism» of Eastern Slavic Medieval Studies: Seven Theses for Discussion], in *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2017. № 1. P. 146–153 (in Russian).
- Myagkov, German Panteleymonovich; Nedashkovskaya, Nadezhda Igorevna. Ideologemy natsional'noy identichnosti kak sotsiokul'turnyj faktor: Slavistika na puti k otritsaniyu «slavyanskogo edinstva» [Ideologems of the national Identity as a socio-cultural factor: Slavicism on the road to the denial of the “Slavic Unity “], in *Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii*. 2007. № 4. P. 109–113 (in Russian).
- Myl'nikov, Aleksandr Sergeevich. *Kartina slavyanskogo mira: Vzglyad iz Vostochnoy Evropy. Etnogeneticheskie legendy, dogadki, protogipotezy XVI – nachala XVIII veka* [Image of the Slavic world: A view from Eastern Europe. Ethnogenetic legends, guesses, proto-hypotheses of the 16th - early 18th century]. St. Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie Publ., 1996. 314 p. (in Russian).
- Myl'nikov, Aleksandr Sergeevich. *Kartina slavyanskogo mira: Vzglyad iz Vostochnoy Evropy. Predstavleniya ob etnicheskoy nominatsii i etnichnosti. XVI – nachalo XVIII veka* [Image of the Slavic world: A view from Eastern Europe. Representations of ethnic nomination and ethnicity. XVI - the beginning of the XVIII century]. St. Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie Publ., 1999. 398 p. (in Russian).
- Petrukhin, Vladimir Yakovlevich. «Rus' i vsi yazytsi». Aspekty istoricheskikh vzaimosvyazey: Istoriko-arkheologicheskie ocherki [«Rus' i vsi yazytsi». Aspects of historical relationships: archaeological essays]. Moscow: Languages of Slavic culture Publ., 2011. 384 p. (in Russian).
- Popowska-Taborska, Hanna. Przydatność badań językowych do rekonstrukcji wczesnych dziejów Słowian [Usefulness of language research for the reconstruction of early Slavic history], in *Polszczyzna północno-wschodnia. Metodologia badań językowych*. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1989. P. 97–105 (in Polish).
- Prokudin, Boris Aleksandrovich. *Ideya slavyanskogo edinstva v politicheskoy mysli Rossii XIX veka: Genesis, osnovnye napravleniya i etapy razvitiya* [The idea of Slavic unity in the political thought of Russia in the XIX century: Genesis, main directions and stages of development]: Diss. ...kand. polit. nauk. Moscow: Moscow State University Press, 2007. 180 p. (in Russian).
- Rafalskiy, Igor'. Slavyanskaya ideya kak proekt nadnatsional'noy integratsii [The Slavic idea as a project of supranational integration], in *Rodina*. 2013. № 6. P. 64–66 (in Russian).
- Rodionova, Irina Vitalyevna. Aktualizatsiya temy slavyanskogo edinstva v sovetskoj ideologii 1940-kh godov [Actualization of the theme of Slavic unity in the Soviet ideology 1940s], in *Voprosy gumanitarnykh nauk*. 2015. № 2 (77). P. 21–28 (in Russian).
- Sherbinin, Aleksey Gennad'evich, Shherbinina, Nina Garr'evna. Slavjanskij mir kak politicheskij konstrukt [The Slavic world as a political construct], in *Rusin*. 2015. № 4. P. 37-62 (in Russian).
- Schuster-Sewc, Heinz. The fall of the Slavic language unity (the proto-slavic) and the genetic developments of the slavic language, in *Zeitschrift für Slawistik*. 2007. Vol. 52. No. 3. P. 314–325.
- Shuvalov, Petr Valer'evich. Izobretenie problemy (po povodu knigi Florina Kurty) [The invention of the problem (on Florin Curta's book)], in *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2008. № 2 (4). P. 13–20 (in Russian).
- Šmahelová, Hana. Kollárova vize slovanské vzájemnosti [Kollar's vision of Slavic reciprocity], in *Česká literatura*. 2002. Vol. 50. No. 2. P. 125–148 (in Czech).
- Suslov, Mikhail. Geographical Metanarratives in Russia and the European East: Contemporary Pan-Slavism, in *Eurasian Geography and Economics*. 2012. Vol. 53. No. 5. P. 575–595.
- Thomas, George. Ján Kollár's Thesis of Slavic Reciprocity and the Convergence of the Intellectual Vocabularies of the Czech, Slovak, Slovene, Croatian and Serbian Standard Languages, in *Canadian Slavonic Papers = Revue Canadienne des Slavistes*. 1992. Vol. 34. No. 3. P. 279–299.

Tolochko, Aleksey Petrovich. *«Istoriya rossiyskaya» Vasiliya Tatishcheva: Istochniki i izvestiya* [“The History of Russia” by Vasily Tatishchev: Sources and information]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ.; Kiev: Kritika Publ., 2005. 544 p. (in Russian).

Tolochko, Aleksey Petrovich. *Kratkaya redaktsiya Pravdy Russkoy: Proiskhozhdenie teksta* [Brief edition of the Pravda Russkaya: Origin of the text]. Kiev: Institute of Ukrainian History (NAS of Ukraine) Press, 2009. 136 p. (in Russian).

Tolochko, Oleksiy P. The Primary Chronicle’s «Ethnography» Revisited: Slavs and Varangians in the Middle Dnieper and the Origin of Rus’ State, in Franks, Northmen and Slavs: Identities and State Formation in Early Medieval Europe. Turnhout, 2007. P. 170–171.

Tolstaya, Svetlana Mikhaylovna. Aspekty, kriterii i priznaki slavyanskoy kul’turnoy obshchnosti [Aspects, criteria and attributes of the Slavic cultural community], in *Common elements in Slavic folklore*. Zbornik radova. Belgrade: Serbian Academy of Sciences and Arts, Balkan Institute Press, 2012. P. 17–31 (in Russian).

Waskovich, George. Poland’s place among the Slavs, in *Polish Review*. 1962. Vol. 7. No. 3. P. 84–91.